

ЮЛИЯ СОРОКА,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина, старший научный сотрудник Института социологии НАН Украины

ТАТЬЯНА ЗУБ,

старший преподаватель кафедры методов социологических исследований Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина

“Отказ от богатства” и изменения в восприятии социального неравенства

Abstract

Refusal to answer a question about richness provides some important information regarding an actual perception of social inequality. The people's attitudes towards this phenomenon have been changed essentially and “unexpectedly” during last ten years. To argue this statement, both sociological and cinema discourse are taken up together.

Наблюдение за повседневной жизнью и обыденными реакциями наших сограждан подсказывает, что отношение к таким атрибутам новой постсоциалистической действительности, как шикарные автомобили иностранного производства на улицах, рестораны и магазины дорогих товаров, частные дома в парковой зоне, дорогая одежда и т. д., существенно изменилось. Они не вызывают уже сильных чувств восторга/гнева, неперенных риторических вопрошаний о путях приобретения богатства их владельцев, да и употребления по отношению к ним эпитетов, акцентирующих антиобщественный либо преступный характер их деятельности, таких как “спекулянты”,

“воры”, “бандиты”¹. Что стоит за этим и сколь глубоко произошедшие изменения в социальном восприятии — эти вопросы остаются открытыми, в частности в связи с проблемами социального неравенства. Опривычивание этих явлений заставляет предположить, что изменилось представление общества о самом себе, пространстве социальных позиций, способе распределения общественного богатства, его соотнесенности с идеалом справедливости и о самом этом идеале — иными словами, обо всем, что связано с социальным неравенством и его восприятием.

Однако сложность данного феномена, соотнесенность его скорее с научным и идеологическим, нежели повседневным мышлением, не позволяют позиционировать социальное неравенство как целостный, нерасчлененный объект социального восприятия. Вместе с тем можно проанализировать “обслуживающие” тематику социального неравенства категории восприятия [1], такие как “справедливость”, “право”, “свобода”, “собственность”, “богатство”, “бедность”.

Но общаясь с людьми в повседневной обстановке, трудно получить у них ответы на вопросы о смысле понятий добра и зла, богатства, бедности, силы, правды и т. п.², которые используются в повседневной речи на разных ступенях социальной иерархии, в разнообразных институциональных контекстах в качестве основания аргументации или оценки. Социальные науки и искусство, используя специфические методы анализа действительности, постоянно предлагают “моментальные срезы” актуальной для общества, его повседневных деятелей трактовки этих понятий. Сопоставление такого рода наблюдений как взаимодополняющих, на наш взгляд, интересно и плодотворно для самой социальной науки и социологического понимания происходящего. В статье предлагается сопоставление социологического видения и “киноверсии” проблемы “отказа от богатства”, которые рассматриваются как факты реализуемых с разных позиций (социолога, отвечающего на вопрос анкеты повседневного деятеля, и виртуального героя фильма) способов восприятия социальной реальности.

Одним из ключевых аспектов постсоциалистических культурно-идеологических трансформаций является изменение признаваемого публично смысла категории “богатство”. Можно сказать, что категория эта стала осью значений и смыслов, двигавших экономические и политические преобразования последних 30 лет. Переоценка, вернее, изменение значения категории “богатство” (и публично признаваемых и декларируемых значений, и актуальных для повседневных деятелей смыслов) связано со сложными и болезненными переживаниями, свойственными переходным состояниям общества и культуры.

Проявлением такого “терминального переживания” стал блок вопросов, предложенных в анкете социологического исследования “Социальная структура украинского общества на рубеже столетий” (социологическая ла-

---

1 Справедливости ради следует заметить, что за эти годы мы привыкли и к картинам, противоположным социальному успеху: нищие в переходах, бомжи, попрошайки также не вызывают у нас особо сильных чувств и переживаний.

2 Исключением, пожалуй, является ситуация общения по схеме “взрослый – ребенок”, описанная в известном стихотворении Владимира Маяковского о том, “что такое хорошо и что такое плохо”.

боратория ХНУ им. Каразина; ноябрь–декабрь 2000 года; выборка общенациональная, репрезентативная для населения Украины по полу, возрасту, образованию, областям и типам населенных пунктов; $N = 1800$). Речь идет о вопросе, основывающемся на формулировке “Ради достижения богатства можно чем-то и пожертвовать”, и девяти его конкретизациях, предлагающих варианты такой “жертвы”: “моральные принципы”, “доверие коллег по работе”, “доверие друзей и близких”, “профессия”, “карьера”, “условия труда”, “бытовые удобства”, “душевное спокойствие и здоровье”.

Внимание к этому вопросу первоначально было вызвано не столько обращением к категории “богатство”, сколько тем, что около половины респондентов уклонились от ответа. Доля уклонившихся от ответов на уточняющие вопросы колеблется от 50,3% до 50,4% от всех участвовавших в опросе. Причем, как показал анализ, отсутствие ответа не было вызвано техническими причинами или недобросовестностью интервьюеров, то есть эти показатели можно рассматривать как достоверные.

Отказ от ответа как содержательная информация

Анализ отказов от ответа на вопрос анкеты социологического исследования традиционно разворачивается в плоскости методических проблем совершенствования инструментария, процедуры опроса и квалификации интервьюера. Нежелание респондента отвечать понимается как проявление несоответствия вопроса определенным критериям качества: социолингвистическим, социокультурным (в том числе национально-культурным), психологическим [2]. Как один из критериев качества инструментария рассматривается также чувствительность к неответам, поскольку “отказывающиеся отвечать” респонденты отличаются, например, от тех, кого интервьюер не застал дома. Таковыми могут оказываться образованные и информированные респонденты, в отличие от самоуверенных и “малограмотных” [3].

В.Ядов рассматривает неответы как потенциальную реакцию на трудные вопросы, требующие от респондента информированности или припоминания, вопросы, цель которых или характер ожидаемого ответа неясны респонденту, а также “сенситивные” вопросы, на которые респондент не расположен отвечать откровенно. Преодоление таких ситуаций Ядов рассматривает как задачу интервьюера и по этому поводу дает достаточно подробные рекомендации. Поскольку вопросы анкеты являются выражением программных требований исследования, задача интервьюера состоит в том, чтобы объяснить или дать понять респонденту, чего от него хотят, и получить ответ на поставленный вопрос [4].

Г.Батыгин рассматривает отказы от ответа как тип систематических ошибок выборки. Рассматривая причины отказов, он более четко дифференцирует факторы содержания вопроса, установки респондента по отношению к интервьюеру (недоброжелательная установка) и внешние обстоятельства, препятствующие контакту интервьюера с респондентом. Подход Г.Батыгина позволяет различать отказы от ответов и нежелание респондента сотрудничать, которое может и должно быть преодолено способным и опытным интервьюером. Скажем, стабильно высокую долю неответов (до 30%) вызывают вопросы, связанные с тематикой доходов или интимной жизни. Опираясь на опыт опросов и переписей в США, автор приводит

оценку общего количества отказов (5%) и перечень категорий населения, которые чаще других отказываются от ответов: белые, высокообразованные, жители городов. Таким образом, отказ от ответа интерпретируется как вариант нормальной реакции респондента, а “трудность” вопроса¹ связывается с приближением его темы к границе между публичным и приватным пространством респондента [5].

Когнитивный анализ опросного инструментария, предметом которого являются активизируемые ситуацией интервью мыслительные процессы, рассматривает неответ как вариант семантически неадекватного ответа [6]. Внимание переводится с лексической и логической правильности вопросов на их семантическое соответствие теме, то есть на процессы интерпретации респондентом вербального материала вопроса. Такое направление анализа связано с осознанием необходимости преодоления предрасположенности респондента сказать то, что от него ожидают. Ссылаясь на наблюдения американских социологов [7, с. 38], Д.Рогозин обращает внимание на заложенное в самих вопросах предположение о необходимости ответа, вследствие чего не ответивший или затрудняющийся с ответом респондент испытывает психологический дискомфорт, чувство неадекватности, когнитивный диссонанс. Основное внимание респондента, продолжает Д.Рогозин, направлено не на вопрос, а на вербальное поведение интервьюера, способы представления вопроса и восприятие возможных ответов. Стремясь преодолеть когнитивный диссонанс, вызванный ситуацией интервью, респондент задумывается над вопросом, уточняет вопрос или собственный ответ, обосновывает невозможность дать ответ. В результате получение семантически адекватного ответа респондента становится проблематичным и увеличивается вероятность получения “фальшответа”, равносильного неответу. Таким образом, когнитивный анализ опросного инструментария обнаруживает причины неответов или семантически неадекватных ответов в самом методе интервью, принципах его построения.

Эта позиция получила обоснование в рамках рефлексивной социологии П.Бурдьё [8]. Но нас интересуют не столько его эпатарующие высказывания о практике опросов общественного мнения, сколько следствия этих идей, касающиеся отказа респондентов отвечать на вопросы.

Способность “производить мнение” не является всеобщей, а социально распределена в соответствии с культурной компетенцией, то есть характеристиками социокультурного пространства, принятыми в обществе принципами “разделения труда”, ответственности, знания, например, по признаку пола или возраста. Так, по наблюдениям Бурдьё, в современном обществе политическая проблематика в большей степени находится в компетенции мужчин, в противоположность “женским” вопросам о межличностных отношениях, семье, детях и т.д.

Культурная компетенция определяет этическое измерение представлений и мнений, в то время как факт опроса придает им политическое значение. Иными словами, наблюдаемый порядок вещей, актуализированный в представлениях индивида в категориях “должного”, в опросе актуализиру-

---

¹ Заметим, к использованию в данном случае кавычек прибегает сам Г.Батыгин: “Общее количество отказов варьирует от 5% в переписях населения США до 30% в отдельных “трудных” обследованиях, например касающихся доходов или интимной жизни” [5].

ется в категориях “возможного” или “желаемого”. Если тематика вопросов не связана с социальным интересом какой-либо категории респондентов, то есть лежит для них вне зоны релевантности¹, опрос превращается в навязывание проблематики, соби́рание мнений, не имеющих реальной силы. “Доля ответов на вопросы о системе образования очень связана со степенью близости респондентов к самой системе, а вероятность наличия мнения колеблется в зависимости от вероятности иметь право распоряжаться тем, по поводу чего выражается мнение” [см.: 8, с. 159–178].

Публичный характер процедуры опроса основывается на предположении о том, что заданные вопросы заслуживают обсуждения или доступны к обсуждению. Хотя не всегда по этому поводу в обществе существует консенсус. Причем речь в данном случае идет не о непристойном или смешном, то есть не о так или иначе табуированных областях социального знания, но о тематиках, лежащих за границей релевантности для конкретной категории респондентов. Бурдые пишет: “Обнаруживается фантастический разброс: там, где студент, принадлежащий к одному из левацких движений, различает 15 политических направлений, более левых, чем Объединенная социалистическая партия, для кадра среднего звена нет ничего” [см.: 8, с. 159–178].

Проявлением этих несогласованностей и являются отказы респондентов отвечать на вопросы анкеты. Поэтому игнорирование неответов означает симуляцию консенсуса. Иными словами, неответы должны рассматриваться как содержательная информация. Наблюдения, сделанные П.Бурдые, позволяют сформировать основания для их интерпретации. Так, доля неответивших выше среди женщин, чем среди мужчин, и политический характер вопросов, как правило, сказывается в ее увеличении. Уровень образования влияет на долю лиц, не ответивших на вопросы, касающиеся знания и познания. Доля неответов на вопросы этического характера нечувствительна к разнице в образовании. Наконец, чем в большей степени вопрос касается порождающей конфликт проблемы, “узла противоречий”, тем чаще встречаются отказы отвечать.

Эти идеи приобретают более четкое звучание, будучи проинтерпретированы в контексте *проблематики социального восприятия*, где социологический опрос можно рассматривать как специфическую социоперцептивную ситуацию.

Социологический опрос как ситуация социального восприятия существенно отличается от процесса восприятия в реальных условиях социального взаимодействия. В реальной ситуации обработка информации внешней среды актуализирует те или иные категории восприятия, “пригодные” для этой ситуации, способные наиболее адекватно охватить ситуацию в ее конкретике и предполагающие далее определенные реакции, действия индивида. В ситуации опроса индивид принужден оперировать предлагаемой в вопросе категорией, и его свобода ограничена возможностью согласиться или не согласиться с применимостью данной категории и/или конфигурацией категорий к анализу предлагаемой в вопросе ситуации.

---

¹ В данном случае используется понятие концепции повседневного знания А.Шютца. (см.: [9]).

Условием получения ответа на вопрос анкеты в таком случае является то, насколько категория восприятия, конституирующая вопрос анкеты, является для нашего респондента знакомой, употребимой, “своей”. В категориях концепции повседневного восприятия А.Щютца [9] эта идея звучит следующим образом: мы можем ожидать адекватный ответ респондента в случае, если конституирующая вопрос категория восприятия находится в границах релевантного знания культурного образца групповой жизни. Иными словами, важно, во-первых, включена ли эта категория в актуальные для него схемы восприятия социальной реальности и, во-вторых, какое место (например, ближе к центру или к периферии) она занимает.

С другой стороны, значимым для получения ответа респондента является его готовность публично обсуждать предложенные в вопросе категории. В ситуации опроса респондент оказывается в публичной¹ позиции эксперта, а неответ становится еще и фактом непринятия такой позиции. Готовность говорить о чем-либо публично определяется связью интересующей нас категории с позицией социокультурного пространства, занимаемой отказавшимися от ответа респондентами, в таких ее аспектах, как социальный интерес и культурная компетенция. Неответ может быть вызван, с одной стороны, несовпадением поля культурной компетенции и значения категории, с другой стороны, ценностной окрашенностью категории в контексте социального интереса этой группы респондентов. Перефразируя П.Бурдые, заметим, что неответ сигнализирует об исключении (по причинам этическим и/или политическим) категории из перечня санкционированной к публичному обсуждению тематики.

Таким образом, анализ статистических данных об “отказавшихся от ответа” дает содержательную информацию о значении этого вопроса, а также о рассматриваемой группе респондентов. А изложенный выше подход позволяет сформулировать ряд гипотез, объясняющих факт неответа с учетом как социокультурной ситуации исследования, характера самого вопроса, так и характеристик не ответивших респондентов.

В центре внимания данной статьи оказывается одна из категорий восприятия социального неравенства — “богатство”, которая связывает различные аспекты претерпевающего трансформации социокультурного пространства: культурные символы, практики их повседневного и научного употребления. Зафиксированные посредством процедуры опроса и анализа данных распределения ответов и неответов респондентов, в свою очередь, позволяют определить актуальный на момент проведения исследования социокультурный смысл данной категории.

Характер вопроса: богатство как жертва

Прежде чем обратиться к проверке гипотез, сформулированных на основании понимания неответов как содержательной информации, обратимся к анализу самого вопроса, его формулировки и смысла.

Формулировка вопроса, на мой взгляд, ярко демонстрирует включенность самих авторов в процессы изменений структур социального восприя-

---

¹ То есть, в категориях И.Гофмана [10], в позиции, подчиненной правилам публичного взаимодействия.

тия не только как исследователей, но и как повседневных деятелей в условиях социальной дестабилизации. “Ради достижения богатства можно чем-то и пожертвовать” — в этих словах звучит рефлексия актуальной множественности ценностных ориентаций и критериев действия по отношению к богатству. Более того, фиксация полярности идеологических рамок усугубляется признанием недостаточности или невозможности обоснованного и определенного выбора между ними.

Вопрос, фактически, включает противоположные диспозиции относительно богатства. Оно принимается как ценность, что выражается в самом факте тематизации вопроса, вынесении категории “богатство” в начало предложения, использовании утверждения “можно”. С другой стороны, богатство отрицается как ценность, что выражается в отождествлении его с жертвой. Драма перемен читается в строках анкеты: богатство явно существует и обладает властью, заставляет с собой считаться. Оно кричит о себе с иноязычных вывесок магазинов, ярких этикеток, соблазнительных и дорогих товаров — нарядов, мебели, автомобилей. Однако известные пути его достижения предполагают отказ от других ценностей — вплоть до нравственных принципов.

Иными словами, в вопросе объединены два смысла слова “богатства”. Первый — инструментальный, выраженный присутствием в формулировке вопроса слова “достижение”. В этом смысле “богатство” понимается как результат целенаправленной деятельности, и такое восприятие богатства возможно для человека, позиция которого (реальная или желаемая) предполагает или допускает такую возможность. Второй смысл — “оценочный”, выраженный словами “ради” и “жертвовать”. Такая интерпретация богатства свойственна позиции неидентификации себя с этим явлением, сторонней, наблюдательной позиции, рефлексивной и сравнивающей возможности.

Если инструментальная интерпретация ассоциируется с “позитивной” оценкой явления богатства, то оценочная — с “негативной”¹, которая в формулировке вопроса оказывается связанной со словом “пожертвовать”. Богатство здесь означает отказ от других значимых ценностей, их замену, фактически свидетельствует о невозможности их одновременного достижения, об их конфликте. Иначе в вопросе использовалась бы не категория “жертва”, а, например, категория “средство”. Не нужно, вероятно, пояснять, что ассоциация (фактически — отождествление) богатства с жертвой характерна для идеологии, отрицающей ценность материального богатства, подчеркивающей его безнравственность. Если респонденты, давшие какой-либо содержательный ответ на данные вопросы, тем самым осуществили выбор между противопоставленными в нем ценностями, то уклонившиеся от ответа продемонстрировали несогласие с самой этой дилеммой.

Эмпирическим подтверждением высказываемых положений о значении категории “богатство” могут служить результаты исследования, опубликованные Т.Заславской еще в 1997 году [11, с. 182–183]. Она отмечает, что большинство россиян (в определенной степени эти свойства можно приписать и украинскому обществу) “связывают богатство не с трудом,

---

¹ Используя здесь кавычки, мы подчеркиваем, что оппозиция *позитивный–негативный* не отражает всей сложности идеологических ориентаций, представленных в вопросе, а лишь обозначает их противопоставление.

энергией и талантом, а прежде всего — с нечестностью”. Среди факторов богатства в общественном мнении присутствуют (в порядке убывания значимости) связи с нужными людьми (77%), экономическая система, позволяющая богатым наживаться за счет бедных (70%), а только затем — таланты и способности (41%), возможность получить хорошее образование и работу (40%), везение (28%) и упорный труд (21%).

Кроме того, отказываясь от ответа, интересующие нас респонденты продемонстрировали отказ от богатства как категории социального восприятия и мышления. Тем самым они показали, что категория “богатство” — лишняя и чуждая для них, внешняя по отношению к актуальным схемам социального восприятия, не включена в эти схемы. (Напомню, что контекст вопроса не предполагал возможность интерпретации категории “богатство” в значении нематериальных ценностей.) А поскольку “схемы восприятия, актуальные для индивида или группы, дают нам представление об их реальности, как в категориях релевантности, возможности, так и в категориях долженствования” [12], вытеснение категории “богатство” означает в буквальном смысле отказ от богатства. Этот “отказ от богатства” возможен в таком пространстве социального восприятия и действия, где богатство в каком-либо из воплощений этой категории не присутствует, ассоциируемые с богатством предметы исключены, а “богатые” люди всегда располагаются по ту сторону границы “мы—они”.

Возвращаясь к основной цели анализа — выяснению характеристик социальной позиции отказавшихся говорить о богатстве — и основываясь на изложенных выше идеях о содержательном значении отказа от ответа, сформулируем основные *гипотезы* для анализа эмпирического материала: (1) Категория “богатство” лежит за границами релевантности для группы неответивших, тогда среди них должны преобладать “бедные”. (2) Вопрос прочитывается респондентами как политический, не совпадающий с их культурной компетенцией, тогда среди них должны преобладать женщины и люди старшего возраста. Наконец (3), категория “богатство” непосредственно затрагивает интересы, интерпретируется негативно, тогда для неответивших должны быть характерны соотносимые с такой диспозицией политико-идеологические ориентации.

Характеристики социальной позиции “отказа от богатства”

Доля отказавшихся отвечать на вопрос, предполагающий выбор тех или иных вариантов “жертвы” ради богатства, колеблется от 50,3% до 50,4%. Для удобства изложения далее эта группа респондентов именуется “отказавшиеся”. Каковы же характеристики социальной позиции этой группы и ее отличия от остальных? При анализе эмпирического материала была использована процедура фильтрации массива и последующего сравнения характеристик отказавшихся от ответа и остальных респондентов. Ниже приводятся показатели, по которым различия статистически значимы на уровне 0,01–0,05.

Пол: доля женщин среди “отказавшихся” составляет 60%, — тогда как для остальной части массива соотношение мужчин и женщин 48% к 52%.

Возраст: большая часть “отказавшихся” (66%) — люди в возрасте от 21 до 50 лет. В то же время доля “отказавшихся” относительно всех респондентов

растет с увеличением возраста и достигает максимального значения (29%) для возрастной группы старше 60 лет. Иными словами, среди “отказавшихся” доля людей старше 50 лет в полтора раза с лишним больше, чем среди остальных.

Образование: уровень образования “отказавшихся” несколько ниже остальных. Здесь значительно выше доля респондентов с начальным и неполным средним образованием (16% против 9%). Вместе с тем доли людей с общим средним и средним профессиональным образованием одинаковы в обеих группах.

Выбирая *язык интервью*, “отказавшиеся” чаще высказывались в пользу украинского (44%). Доли респондентов, предпочитающих говорить на русском, и тех, кто готов общаться как на русском, так и на украинском, практически одинаковы — 28% против 29%.

“Отказавшиеся” с большей уверенностью отвечают на вопрос о вере. *Верующими* себя считают 66% из них (среди остальных — 57%), а доля затруднившихся ответить в полтора с лишним раза ниже, чем среди остальных респондентов.

Характеризуя распределение респондентов по *типам населенных пунктов*, отметим, что наиболее заметные различия касаются проживающих в селе. Среди “отказавшихся” доля сельских жителей наибольшая и составляет 33% лиц данной поселенческой категории. Также среди “отказавшихся” доля жителей столицы выше, чем среди остальных (7% против 3%).

Характер *социально-классовой самоидентификации* “отказавшихся” имеет лишь одно существенное отличие: здесь уровень самоидентификации с крестьянами в два раза выше, чем у остальных респондентов, и составляет 18%. Среди “отказавшихся” мы также не находим бизнесменов, предпринимателей, государственных чиновников или фермеров. Высококвалифицированных специалистов, как и неквалифицированных рабочих, среди “отказавшихся” всего по 2%, с интеллигенцией и служащими идентифицируют себя 5% и 3%, а с квалифицированными рабочими — 4%. С другой стороны, доля неопределившихся в интересующей нас группе ниже и составляет 66% (72% среди остальных респондентов, статистическая значимость различий — 0,01).

В оценке своего *материального положения* исследуемые группы респондентов различаются незначительно. Около 80% респондентов испытывают существенные затруднения в удовлетворении своих материальных потребностей, и только шестая часть способны в основном себя обеспечить (14% из “отказавшихся” и 16% из остальных). Вместе с тем различия в ответах говорят о том, что “отказавшиеся” склонны оценивать свое материальное положение ниже, чем остальные.

В *оценке того, как складывается жизнь их семьи*, “отказавшиеся” в целом пессимистичны. Так, 35% из них отвечают, что жить им крайне трудно. Для остальных этот показатель составляет 28%. Так же пессимистично оценивают “отказавшиеся” и перспективу жизни своей семьи: не ждут улучшений в обозримом будущем 38% из них (29% — среди остальных). Улучшений в ближайшие год-два ждут среди “отказавшихся” — 10%, среди остальных — 17%.

Этот пессимизм в группе “отказавшихся” необходимо соотнести с их представлениями о том, *от чего зависит их жизнь*. Так, 70% “отказавшихся” признают приоритет внешних обстоятельств. Доля признающих значи-

мость только внешних обстоятельств среди них выше и составляет 34% в сравнении с 28% среди остальных респондентов. В то же время доля признающих приоритет собственных сил над давлением внешних обстоятельств среди “отказавшихся” в полтора раза ниже, чем среди остальных (11% и 16% соответственно).

Характеризуя свое эмоциональное состояние, свои *чувства, переживаемые по поводу настоящего*, “отказавшиеся” в целом проявляют общие для массива респондентов настроения. Наиболее часто они указывают на переживание тревоги и беспокойства (58%), реже — интереса и надежды (41%). Наименее часто — на удовлетворение (5%) и воодушевление (3%). Однако доля тех, кто испытывает *страх*, среди “отказавшихся” более чем вдвое выше, чем среди остальных (9% против 4%), и доля тех, у кого есть *интерес и надежда*, несколько ниже (18% против 23%). (В последних случаях различия статистически значимы на уровне 0,01, в остальных вариантах — 0,05).

Оценивая существующую в обществе *напряженность* в отношениях между *богатыми и бедными, высшим и низшим* классом, “отказавшиеся” более категоричны: доля затруднившихся с ответом среди “отказавшихся” ниже, чем среди остальных (1% и 3% соответственно). Кроме того, “отказавшиеся” склонны к более высоким оценкам таких явлений, демонстрируя тем самым большую дистанцию между представителями названных групп (особенно между “богатыми” и “бедными”).

Вместе с тем, сталкиваясь с понятиями политико-идеологического содержания, выходящими за рамки повседневной лексики (например, “демократия”, “рыночные реформы”, “экономическая система” и др.), “отказавшиеся” чаще *затрудняются с ответом*, чем остальные. Так, в оценке утверждения: “Демократия лучше для богатых, чем для бедных” доля затруднившихся с ответом среди “отказавшихся” выше, чем у остальных на 5%. Подобным образом отвечают “отказавшиеся” и на вопросы о предположительном будущем, возможных изменениях ситуации (например, о том, кто выиграет от рыночных реформ).

Та же тенденция наблюдается и в ответах “отказавшихся” на вопросы о *свободе*. Доля затруднившихся с ответом на вопрос, чувствуют ли они себя свободными в семье, коллективе и в государстве, выше среди “отказавшихся” на 3–5% и составляет 7%, 18% и 28% соответственно. Вместе с тем “отказавшиеся” в меньшей степени ощущают недостаток свободы: свободными в семье и в государстве чувствуют себя на 2% и 3% больше “отказавшихся”, чем среди остальных респондентов. Переводя же абстрактное понятие свободы на язык повседневных смыслов в ответе на вопрос: “Что для вас означает свобода?”, “отказавшиеся” повторяют общую для массива тенденцию, но менее уверены в своих выводах: частота выбора данных вариантов ниже на 1–9%. Следует отметить более низкий, чем по выборке в целом, уровень значимости таких “измерений” свободы, как независимая ни от кого жизнь, самостоятельный выбор содержания деятельности, распоряжение собственностью и свобода передвижения (например, за границу).

Показателен также уровень интереса “отказавшихся” к политике. Доля регулярно интересующихся политическими событиями среди “отказавшихся” на 5% меньше, чем среди остальных.

Таким образом, *тенденция отказа от ответа о богатстве* в анализируемом массиве 2000 года была выражена в большей степени у женщин, людей старшего возраста, с низким образованием, жителей села, идентифицирующих себя с крестьянами, с более низким уровнем самооценки материального положения. Эти характеристики социальной позиции “отказавшихся” сочетаются с такими диспозициями, как переживание страха, подавленность и пессимизм в оценке настоящего. Они признают приоритет внешних сил и обстоятельств перед собственной способностью повлиять на свою жизнь. Также они склонны искать опору (прежде всего моральную) в авторитете коллектива. “Отказавшиеся” демонстрируют более низкий уровень компетентности в политико-идеологической тематике, заниженную ценность личной свободы, значительную социальную дистанцированность от “богатых” и “высших классов” и негативные ожидания по отношению к ним.

Возвращаясь к сформулированным в предыдущем параграфе *гипотезам*, можно сказать, что социокультурное пространство “отказавшихся”, мир их представлений (насколько нам удалось его воссоздать) имеет предпосылки для вытеснения категории “богатство” из актуальных схем восприятия и действия. А это, в свою очередь, характеризует особый способ восприятия социального неравенства: прежде всего, категория “богатство” здесь не является релевантной дискурсу социального неравенства. Далее, как можно предположить, фиксация максимальной удаленности позиции “богатства” от своей собственной, исключение богатства как ценности и, следовательно, исключение доступных и достойных стратегий его достижения, о чем шла речь выше, не формирует оснований как такового дискурса социального неравенства. Имеется в виду отсутствие предпосылок формирования идеала равенства как идеологической предпосылки восприятия реальности в категориях социального неравенства. В этом случае дискурс неравенства либо вообще исключается, либо переносится из сферы действительности в символические сферы религиозного или идеологического, иными словами — в духовные пространства иного, совершенного мира божественной справедливости или социальной утопии¹.

В целом “отказавшиеся” демонстрируют дефицит культурной компетенции. Они очень близки по социально-демографическим и диспозиционным характеристикам к отказавшимся от ответа на “политические” вопросы, описанным П.Бурдые. Вместе с тем допущения о связи факта неответа (“отказа от богатства”) с интересами респондентов, о наличии активной политико-идеологической позиции, осознанного и идейно обоснованного отказа от богатства как ценности не находят явного подтверждения. Хотя оснований полностью исключить эту гипотезу также недостаточно: следует заметить, что в этой группе оказалась половина всех респондентов по выборке, имеющих ученую степень. По мнению шестой части “отказавшихся”, их жизнь складывается неплохо; 5% из них живут обеспеченно; такая же доля идентифицирует себя с интеллигенцией; 34% отказавшихся ценят свободу высказывания собственного мнения; 30% регулярно интересуются политикой; наконец, 4% признают свободу от моральных запретов.

---

¹ Эти идеи имеют очевидный дискуссионный характер и требуют обоснования и эмпирического подтверждения, что выходит за рамки задач данной работы.

Что же касается отождествления (лишь отчасти метафорического) отказа от ответа и отказа от богатства, заметим, что в рассматриваемой социокультурной ситуации отказ от ответа на вопрос “Ради достижения богатства можно пожертвовать ...” обоснован вдвойне. Для восприятия вопроса как политического (в категориях П.Бурдьё) у респондентов недостает культурной компетенции. Прочитывая его как этический, они демонстрируют нежелание и невозможность публичного обсуждения в ситуации интервью базовых принципов своих жизненных установок.

Развитие позиции “отказа от богатства”: актуальный киновариант

Как отмечалось выше, вопрос о богатстве как жертве был задан респондентам в исследовании 2000 года и позднее не повторялся. Поэтому невозможно проследить строго, как изменялась позиция отказавшихся от ответа респондентов. Этот факт, а также характер самого вопроса, который связывает несовместимые диспозиции относительно богатства и выражает переживаемую “драму перемен”, позволяет рассматривать эти материалы в логике “case studies”.

Однако отсутствие соответствующих данных опросов не означает, что обозначенная в вопросе диспозиция исчезает в пространстве актуальных социально-идеологических представлений. Интересующие нас категории, “обслуживающие” тематику социального неравенства, функционируют в литературе, кино, текстах песен, в рекламных слоганах, в повседневной речи, воспроизводя и выражая характерные социальные позиции. Ю.Левада по этому поводу подчеркивал, что: “...получаемые исследователями (в массовых опросах, глубоких интервью, статистике) данные относятся к состоянию видимых “терминалов” скрытого от невооруженного глаза сложного и в определенном смысле целостного “механизма” культуры” [13, с. 305]. Иными словами, интересующие нас и представленные в материалах социологического исследования диспозиции и ценности могут быть обнаружены в других текстах культуры, культурных продуктах и сопоставлены с ними.

Интересный вариант презентации диспозиции “отказа от богатства” дает современный русскоязычный кинематограф, а именно — **фильм “Питер FM”** (Россия, 2006). Внимание к этому фильму, который, на наш взгляд, является успешным¹, обусловлено тем, что в нем интересующая нас диспозиция оказывается связанной с совершенно иной, нежели в представленных материалах социологического исследования семилетней давности, позицией социального пространства. Отказывается от богатства мужчина 25–30 лет, имеющий престижную профессию, четкую самоидентификацию и амбициозные цели в будущем.

Несколько слов о сюжете фильма. Главный герой — Максим — живет в Санкт-Петербурге, в мансарде старого дома и работает дворником в ЖЭКе. Он — архитектор, приехал из Нижнего Новгорода и все свое время посвящает созданию проектов зданий, вдохновляемый замечательными памятниками Санкт-Петербурга. Его авторский проект побеждает на международном кон-

---

¹ Здесь имеется в виду связь успеха фильма и актуальных процессов социального восприятия, о чем подробнее речь идет в: [14].

курсе молодых архитекторов, и в руках героя оказывается приглашение на работу в известном архитектурном бюро в Германии. Он почти не говорит по-немецки, но это не беда, ведь наконец сбывается его мечта: теперь он сможет работать по своему призванию (а не в унижительных условиях работы за жилье), жить в комфортных условиях (а не в холодной сырой мансарде), то есть вести достойную, обеспеченную и интересную жизнь за границей. Друзья по-доброму завидуют Максиму, его девушка ушла к другому, в ЖЭЖе его заявление об уходе удовлетворяют в обмен на “пол-литру” — иными словами, ничто не связывает уверенного в себе, успешного молодого человека.

Однако Максим отказывается от контракта и не уезжает в Германию. Поводом остаться оказывается найденный им мобильник, принадлежащий некой девушке Маше. Максим на протяжении всего фильма пытается встретиться с Машей, чтобы вернуть ей телефон. Ничтожность и случайность повода подчеркивает глубину причины отказа. Из телефонных разговоров героев мы узнаем, что решение уехать все еще не принято. Образ заграничной престижной работы и обеспеченной жизни для Максима не только расплывчат, неясен, но и абсолютно чужд. Это всего лишь болтовня приятелей, и за их возгласами “Круто!”, “Здорово!” — пустота, ничто. Стремление к богатой и престижной жизни за границей, ставшее привычным и почти обязательным для человека, исповедующего индивидуализм, ничего общего не имеет с истинными ценностями героя.

Отказ героя от престижного и выгодного заграничного контракта — это “отказ от богатства” в том смысле, о котором шла речь выше. К этому выводу приходишь, несмотря на то, что само слово “богатство” в фильме не произносится: представлены лишь многочисленные варианты этой когнитивной категории (престиж, успех, выгода, комфорт и др.). Это и роднит героя фильма с отказавшимися от ответа в 2000 году респондентами: они отторгают категорию богатства как чуждую их социальной позиции и ценностям. Выбор между “богатством-достижением” и “богатством-жертвой” делается в пользу второго значения, и в действиях героя фильма он обретает буквальность, конкретные очертания.

Хотя победа на международном конкурсе является его персональным достижением, Максим отвергает контракт: ведь “богатство”, с которым ассоциируется награда, не связано в интериоризированных им представлениях и культурных категориях с достижением. Именно атрибуты “богатства”, присущие его будущему положению сотрудника берлинского архитектурного бюро, отторгаются героем и заставляют в конечном счете отказаться от собственного достижения. Предопределяет этот выбор, на мой взгляд, актуальное для героя значение “богатства-жертвы”, заставляющее с недоверием, а чаще — просто с презрением оценивать богатство как таковое, ассоциировать богатство с обманом, нравственной и финансовой нечистоплотностью. С другой стороны, признание “богатства-жертвы” становится для индивида, принявшего богатство в каком-либо его воплощении (например, в виде отвергнутого Максимом контракта), постоянным поводом для самобичевания. Ведь все шаги на пути к ассоциированному с богатством статусу, любые средства его достижения априори окрашены в цвета обмана и нечестности.

Иными словами, сопряженные с достижением атрибуты “богатства” заставляют героя отказаться от него, а связанные с этим выбором сомнения и переживания и составляют основное содержание фильма. Причем этот вы-

бор обозначен для героя именно в нравственном, а не в рациональном измерении. Выбор не касается, скажем, оценки проблем жизни в инокультурной среде, трудностей с дальнейшей “конвертацией” заграничных карьерных успехов на российском рынке или других возможных негативных сторон предстоящих жизненных изменений. Примечательно, что выбор героя не разворачивается и в эстетической плоскости, столь актуальной, казалось бы, для архитектора: для него не существуют ни Кельн, ни Дрезден, ни другие центры культуры Германии или Европы и возможность хотя бы посмотреть на них собственными глазами.

Внутренняя борьба героя происходит безмолвно, на дорефлексивном уровне внутренней интуиции: именно поэтому так часто в кадре он красноречиво молчит, поглощая взглядом ветшающие фасады архитектурного Петербурга, без определенной цели блуждает по городу, вступает в неожиданные контакты (роющийся в мусорном баке бомж, цыганка-гадалка, попрошайка, полуголый мужчина на дворовой скамейке, которого жена не пускает в квартиру, и т. д.). Поэтому столь привлекательным становится для Максима общение с незнакомкой Машей, владелицей найденного им телефона и обладательницей чудесного голоса, которая тоже переживает тяготы нравственного выбора. Ее симпатия оказывается не на стороне жениха, озабоченного внешними атрибутами престижа, успеха и богатства, которыми должна быть отмечена их свадьба и вся совместная жизнь. Отказывая жениху, для которого так значима оказывается разница между кадиллаком и линкольном, именно Маша делает для зрителя очевидным, наблюдаемым то, чего не может принять Максим и от чего он отказывается — атрибуты богатства.

В образе героя фильма диспозиция “отказа от богатства” не только приобретает новое воплощение, но и удостоверяется в своей все возрастающей значимости и статусе в символическом пространстве представлений. И это тем более любопытно в контексте наблюдаемого (по сравнению с 2000 годом) роста уровня благосостояния населения, процессов социально-экономической стабилизации, демократизации и т. д. Можно с уверенностью говорить о том, что в современных условиях стратегия “отказа от богатства” наращивает актуальность в русскоязычном социокультурном пространстве как в контексте производства культурных символов, так и в контексте их потребления. Из темных углов, маргиналий она выходит на авансцену ценностных представлений общества, неся с собой и соответствующие представления о социальном неравенстве, исключающие понятие богатства, а вместе с ним и перспективы его достижения.

Литература

1. Сорока Ю.Г. Социальное восприятие и взаимодействие: к социокультурной концепции восприятия // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць : У 2-х т. — Х., 2006. — Т. 1. — С. 23–30.

2. Лютыньский Я. Вопрос как инструмент социологического исследования // Социологические исследования. — 1990. — № 1. — С. 12–17; Клошклина Н.А. Причины, вызывающие отказ от ответа // Социологические исследования. — 1990. — № 1. — С. 21–26; Девятко И.Ф. Методы социологического исследования: Учебное пособие для вузов. — Б.м., 1998.

3. *Бутенко И.А.* “Нет ответа”: Анализ методической ситуации на страницах журнала “Public opinion quarterly” // Социологические исследования. — 1986. — № 4. — С. 118–122.
4. Методы и операции сбора данных, подлежащих количественному анализу // Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. — М., 1998.
5. *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований : Учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. — М., 1995.
6. *Рогозин Д.М.* Когнитивный анализ опросного инструмента. — М., 2003. — http://www.i-u.ru/biblio/archive/rogozin_kongitive_analyze/.
7. *Sudman S., Bradburn N.M.* Asking questions: A Practical Guide to Questionnaire Design. — San Francisco, 1982.
8. *Бурдье П.* Общественное мнение не существует // Социология политики. — М., 1993. — С. 159–178.
9. *Щюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. — М., 2003.
10. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневном мире. — М., 2000.
11. *Заславская Т.И.* Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. — М., 1997. — С. 182–183.
12. *Сорока Ю.Г.* Концепция социального восприятия П.Бурдье: основные идеи и возможности применения // Методологія, теорія і практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць. — Х., 2004. — С. 346–348.
13. *Левада Ю.* Индикаторы и парадигмы культуры в общественном мнении // Левада Ю. “От мнений к пониманию. Социологические очерки” 1993–2000. — М., 2000.
14. *Сорока Ю.Г.* Трансформация структур восприятия социального мира (на примере русскоязычного кинематографа) // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание / Под ред. О.Д. Куценко, С.С. Бабенко. — Харьков, 2004. — С. 308–327.